

Л. И. Сараскина

ТЕНЬ ТОРКВЕМАДЫ: К.П. ПОБЕДОНОСЦЕВ ПОСЛЕ 1881 ГОДА

Политическая репутация К. П. Победоносцева (1827–1907), равно как и отношение к нему русского общества и отечественных историков, никогда не были величинами постоянными или абсолютными. «К его имени в течение слишком четверти века приковывалось внимание современников, оно не сходило со столбцов нашей печати, одни его ненавидели и проклинали, другие славословили, перед ним преклонялись и его благословляли; одни видели в нем ангела–спасителя России, другие — ее злого гения. Безразлично к нему никто не относился. Он был определенным историческим знаменем, которое рвали бури и непогоды, вокруг которого кипели страсти и борьба»¹.

Так откликнулся на смерть Победоносцева в 1907 г. публицист Б. Б. Глинский. Действительно — даже те из современников, кто проклинал и ненавидел могущественного обер–прокурора Святейшего Синода, считали его крупнейшим государственным деятелем, стоявшим на вершине власти в течение четверти века; его имя было красноречивым политическим паролем, и дружба с ним, пусть самая бескорыстная, способна была заклеить его друзей пятном общественного позора.

Позже А. Блок напишет о Победоносцеве как о злом колдуне, который «стеклянным взором» заглянул в очи России², и назовет его «старым

¹ Глинский Б. Б. Константин Петрович Победоносцев (Материалы для биографии) // Исторический вестник. 1907. Т. 108. № 4. Апрель. С. 247.

² «В те годы дальние, глухие, / В сердцах царили сон и мгла: / Победоносцев над Россией / Простер совиные крыла, / И не было ни дня, ни ночи, / А только — тень огромных крыл; / Он дивным кругом очертил / Россию, заглянув ей в очи / Стеклянным взором колдуна <...>. / И у волшебника во власти / Она казалась полной сил, / Которые рукой железной / Зажаты в узел бесполезный... / Колдун одной рукой кадил, / И струйкой синой и кудрявой / Курился росный ладан... Но — / Он клал другой рукой костлявой / Живые души под сукно» (Блок А. А. Возмездие. Вторая глава (Вступление) // Блок А. А. Собрание сочинений. М.: Л., 1960. Т. 3. С. 328).

упырем»³, в солидарность с А. Белым, изобразившим Россию спящей красавицей, душу которой украл страшный колдун, чтобы пытать и мучить ее. «Пелена черной смерти... занавешивает Россию, эту Красавицу, спавшую доселе глубоким сном»⁴.

Но при жизни на Победоносцева писали эпиграммы Вл. Соловьев и С. Трубецкой: «Сановный блюститель / Духовного здравия, / Ты, рабства, бесправья, / Гонений ревнитель, / Кощей православья! / Исполненный лести, / Коварства и злобы, / Наушник без чести, / Скопец от утробы! / <...> Святитель во фраке! / За подлость и враки / Пусть спят твои мощи / В осиновой роще»⁵. Возмущенный «известным случаем плагиата»⁶, то есть изданием чужого сочинения под своим именем, Вл. С. Соловьев сочинил четверостишие: «В разных поприщах прославился ты много: / Как евнух ты невинностью сиял, / Как пиетист позорил имя Бога / И как юрист старушку обобрал»⁷.

Факт тот, что вовсе не поздний советский агитпроп, как это теперь иногда пытаются изобразить новые сторонники бывшего обер-прокурора⁸, впервые назвал Победоносцева мракобесом и реакционером. Так относились к обер-прокурору многие знаменитые его современники, мнением которых вряд ли возможно пренебречь. Теперь же, в начале XXI в., по закону маятника жизнь и деятельность Победоносцева радикально переосмысливается и бывшая критика превращается в откровенную апологетику. Хрестоматийной пушкинской строкой «Дней Александровых прекрасное начало»⁹ ныне то и дело пытаются иллюстрировать не «золотой век» Александра I, а царствование Александра III — эпоху, которая стала в гла-

³ В марта 1881 г. «Победоносцев произнес свою историческую речь... и, ухватив коромысло государственного корабля, не выпускал его четверть века, стяжав себе своей страшной практической деятельностью и несокрушимым, гробовым холодом своих теорий — имя старого „упыря“» (Блок А. А. Солнце над Россией // Там же. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 301).

⁴ *Белый, Андрей*. Луг зеленый // *Белый, Андрей*. Луг зеленый. Книга статей. М., 1910. С. 6.

⁵ Цит. по: К. П. Победоносцев: Pro et contra. Личность, общественно-политическая деятельность и мировоззрение Константина Победоносцева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 1996. С. 282–283.

⁶ В конце 1890-х гг. вышла «Церковная История», перепечатка старой книжки статс-дамы А. Н. Бахметьевой. Однако на обложке имя истинного автора не значилось и стояло лишь: издание К. П. Победоносцева. Рецензенты хвалили сочинение, и Победоносцев не отклонил приписанные ему заслуги, так что книга разошлась как им созданная (См.: Там же. С. 281).

⁷ Там же.

⁸ «Поначалу наш молодой Агитпроп, взросший на терроризме всесильного общественного мнения предреволюционной эпохи, попытался разом покончить со всем, что являлось русской культурой, и выпустил на поле боя оголтелый и беспощадный Пролеткульт. Атака с ходу не удалась. Тогда началось планомерное и методичное искажение целостной культуры. Легче всего было разделаться с Победоносцевым и Столыпиным, так как они являлись прежде всего крупными государственными деятелями царской России, читай контрреволюционерами» (Ланщиков А. П. Предотвратить ли думую грядущее? // *Победоносцев К. П.* Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 25–26).

⁹ См.: Пушкин А. С. Послание цензору (1822).

зах многих наших современников объектом ностальгии как идеальная модель государственной и политической жизни.¹⁰

Радикально сменились знаки, и бывшие абсолютные минусы превратились в мажорные плюсы. Главный идеолог эпохи Александра III — обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев — вновь занимает господствующую позицию в сознании некоторой части русской и особенно православной общественности. При этом как-то странно забывается, что тот твердый, похвально охранительный путь, на который встала Россия при Царе-Миротворце, закончился все же грандиозной катастрофой. В чем ее причина? Многолетнее опоздание реформ Александра II, к тому же не обеспеченных просвещением народа? Растущий радикализм, разрушавший фундамент российской государственности? Разобщенность двух важнейших компонентов государственного бытия, о чем писал С. Н. Булгаков: «Россия экономически росла стихийно и стремительно, духовно разлагаясь»¹¹? Стоит задуматься над словами святителя Игнатия (Брянчанинова): «Судя по духу времени и по брожению умов, должно полагать, что здание Церкви, которое колеблется уже давно, поколеблется страшно и быстро. Некому остановить, некому противостоять. Предпринимаемые меры заимствуются из стихии мира, враждебного Церкви, и скорее ускорят падение ее, нежели остановят»¹².

Разобраться в причинах гибели Российской Империи — это значит понять подлинную историю Церкви синодального периода и роль обер-прокурора Святейшего Синода, столь тесно связанного с Достоевским в последние годы жизни писателя. Это значит также — не довольствоваться гладкими, лакированными версиями, которые в угоду новой политической конъюнктуре так часто предлагаются в наши дни. Это, наконец, значит различать сюжет «Достоевский — Победоносцев» (имевший место последнее десятилетие до смерти писателя в 1881 г.) и сюжет «Победоносцев — Россия», длившийся уже без Достоевского на протяжении четверти века, когда тень правления обер-прокурора легла и на Достоевского.

Хорошо известно, что знакомство Достоевского с Победоносцевым, произошедшее зимой 1871–1872 гг. в доме князя В. П. Мещерского, завершилось десятилетней дружбой. «Еженедельно, по субботам после всеобщей, в 9 часов вечера Достоевский приезжал к обер-прокурору на отведенный специально для него „тихий час“. Беседа часто затягивалась далеко за полночь. Достоевский поверял Победоносцеву свои творческие планы, обсуждал с ним свои философско-религиозные замыслы»¹³. Достоев-

¹⁰ См. об этом: *Фетисенко, Ольга*. «Златая цепь единомыслия». Церковь и церковный мир в неизданной переписке Константина Леонтьева и Третья Филиппова // *Новая Европа*. 2001. № 14. С. 104.

¹¹ *Булгаков С. Н., протоиерей*. Автобиографические записки. Париж, 1946. С. 80.

¹² *Игнатий (Брянчанинов), епископ*. Письма о подвижнической жизни. М., 1996. С. 409.

¹³ См.: *Дмитрий Григорьев, протоиерей*. Достоевский и Церковь. М., 2002. С. 83.

ский принимал духовное водительство Победоносцева, разъяснял собственные позиции, делился своими планами и замыслами. Несомненно, Победоносцев был сильным, умным человеком, раз Достоевский неоднократно просил укрепить дух («мнение таких людей как Вы — решительная мне поддержка» — 30₁; 209)¹⁴. С этим нельзя не считаться; к тому же известно, что ближайшее окружение Победоносцева признавало его крупным писателем, выдающимся стилистом и знатоком литератур. Французский дипломат и литератор Мельхиор де Вогиюэ, лично знавший Победоносцева, уверял, что тот отличался широкой начитанностью в поэзии и любил весьма далеких от православия Шелли, Суинберна, Броунинга. Л. П. Гроссман, опубликовавший в 1934 г. 40 писем Победоносцева к Достоевскому, проводил смелую параллель между тонким стилистом Тихоном, читающим исповедь Ставрогина, и Победоносцевым, читающим рукописи Достоевского. «В беседах Победоносцева с Достоевским было нечто, напоминающее философские диалоги, диспуты или исповеди его последних романов»¹⁵.

Победоносцев способствовал вхождению Достоевского в высшие круги русского общества, где писатель познакомился с наследником престола, будущим императором Александром III; Достоевский виделся с новым другом в петербургских салонах, на «средах» у князя В. П. Мещерского, на «пятницах» у Я. П. Полонского, на вечерах у великого князя К. К. Романова. Победоносцев содействовал передаче экземпляра романа «Братья Карамазовы» цесаревичу (будущему Александру III); 16 декабря 1880 г. в Аничковом дворце состоялась встреча писателя с наследником престола. Вскоре цесаревич Александр в письме к Победоносцеву будет выражать соболезнование в связи со смертью Достоевского: «Очень и очень сожалею о смерти бедного Достоевского, это большая потеря и по-ложительно никто его не заменит»¹⁶.

В дни похорон Победоносцев писал И. С. Аксакову о своих отношениях с покойным писателем: «Для него исключительно у меня был назначен вечер субботний, и он нередко приходил проводить его вместе со мной. И своего „Зосиму“ он задумывал по моим указаниям: много было между нами душевных речей»¹⁷. Победоносцев ходатайствовал о пенсии семье Достоевского, был назначен опекуном его детей, общался и переписывался с вдовой писателя. Он вспоминал, как в пору создания «Братьев Карамазовых» Достоевский приходил к нему и с волнением пересказывал новые сцены романа. В письме от 24 ноября 1906 г., перед самой своей смертью, Победоносцев писал А. Г. Достоевской: «Немного уже осталось старых друзей его — и я еще доживаю, и думаю, что счастливы многие,

¹⁴ Письма Победоносцева Достоевский называл добрыми, прекрасными, ободряющими; а его самого человеком, которому он верит, ум и убеждения которого глубоко уважает (см., например, письмо Ф. М. Достоевского К. П. Победоносцеву от 16 августа 1880).

¹⁵ Гроссман Л. Достоевский и правительственные круги 1870-х годов // Лит. наследство. М., 1934. Т. 15. С. 90.

¹⁶ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М.; Пг., 1923. Т. 1. Полутом 1. С. 43.

¹⁷ Чешихин-Ветринский В. Е. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1912. С. 162–163.

не дожившие до нашего времени. Мое знакомство с ним не с ранних годов. — Оно началось с вечеров у Мещерского, а потом мы сошлись ближе, и я помогал ему работать, когда свалился ему на шею „Гражданин“. А в последние годы часто приходил он ко мне по субботам на беседу — и как теперь помню, как бывало, одушевляясь и бегая по комнате, рассказывал он главы „Карамазовых“, которых писал тогда»¹⁸.

Подробно известен сюжет общения Достоевского с Победоносцевым в момент работы писателя над романом «Братья Карамазовы». Назову ярчайшие эпизоды этого сюжета. Письмо Достоевского из Старой Руссы 19 мая 1879 г. о смысле книги «Pro et contra», о богохульстве у *всего* (почти) верхнего русского слоя и обещание опровергнуть богохульство (см.: 30₁; 66). Критический отзыв Победоносцева о главе «Бунт» — «зачем вы так сильно расписали детские истязания?»¹⁹. Письмо Достоевского от 9 / 21 августа 1879 г. — о книге «Русский иннок», которую, как признается писатель, он писал «для немногих», но считает кульминационной точкой и очень хочет знать мнение Победоносцева (30₁; 105). Ответ Победоносцева из Петербурга (16 августа 1879 г.): «Ваш Великий инквизитор произвел на меня сильное впечатление. Мало что я читал столь сильное. Только я ждал — откуда будет отпор, возражение и разъяснение — но еще не дождался»²⁰. И, конечно, письмо Достоевского Победоносцеву от 24 августа / 5 сентября) 1879 г. из Эмса. Это, можно сказать, кульминация интересующего нас сюжета: Достоевский говорит о своем литературном положении и о том, станет ли книга «Русский иннок» достаточным ответом.²¹ В конце письма Достоевский пишет: «До свидания, добрейший и искренно уважаемый Константин Петрович, дай Вам Бог много лет здравствовать — лучшего пожелания в наше время и не надо, потому что такие люди, как Вы, должны жить. У меня порою мелькает глупенькая и грешная мысль: ну что будет с *Россией*, если мы, последние могикане, умрем? Правда, сейчас же и усмехнусь на себя. Тем не менее все-таки мы должны и неустанно делать. А Вы ли не деятель?» (30₁; 122).

Пожелания Достоевского сбылись. Победоносцев после ухода писателя прожил еще четверть века; быть может, эти годы были решающими в истории дореволюционной России. И он действительно был деятелем из первых. Но вот что это была за деятельность — по ее результатам и последствиям — это вопрос из вопросов.

¹⁸ Лит. наследство. Т. 15. С. 89.

¹⁹ Там же. С. 138.

²⁰ Там же. С. 139.

²¹ «Мое литературное положение <...> считаю я почти феноменальным: как человек, пишущий зауряд против европейских начал, компрометировавший себя навеки „Бесами“, то есть ретроградством и обскурантизмом, — как этот человек, помимо всех европейских, их журналов, газет, критиков — все-таки признан молодежью нашей, вот эту самую расшатанной молодежью, нигилятиной и проч.? Мне уж это заявлено ими, из многих мест, единичными заявлениями и целыми корпорациями. Они объявили уже, что от меня *одного* ждут искреннего и симпатичного слова и что меня *одного* считают своим *руководящим писателем*» (30₁; 121).

Всякий, кто изучал биографию Победоносцева, знает, что Константин Петрович был не только образованным, умным, знающим человеком. В начале 1860-х гг., в первые годы правления Александра II, он был крупнейшим, убежденным либералом, решительным сторонником реформ; занимал кафедру гражданского права в университете, считался выдающимся ученым-цивилистом и заявлял о гласности как об основном лекарстве для лечения главных болезней русской бюрократии — некомпетентности и безответственности. Резко, уничтожающе критиковал всю систему российского судопроизводства, писал о коррупции и самоуправстве чиновников.²²

Пытаясь ответить на вопрос, что же заставило Победоносцева позже, уже в середине 1860-х, так резко изменить свои взгляды, историки называют ключевую дату: апрель 1866 г., то есть выстрел Дмитрия Каракозова. Убеждение, что *свои*, русские (а не поляки и прочие «инородцы») не могут стрелять в русского царя, этим покушением было радикально поколеблено.²³ Однако спустя 15 лет история совершила еще один драматический виток — и события 1 марта 1881 г., до которых, смею сказать, счастливо не дожил Достоевский²⁴, вознесли Победоносцева на вершину власти. Менее чем за год до 1 марта 1881 г. Победоносцев стал обер-прокурором Святейшего правительственного Синода и занимал эту должность 25 лет (до 19 октября 1905 г.). Он стал не только учителем законоведения императора Александра III, он стал духовным наставником самодержца, в прошлом своего воспитанника, с которым совершил когда-то путешествие по России. На плечи обер-прокурора легла двойная тяжесть — опекать монарха, отца которого только что убили после многих покушений, и занимать пост, который на него был возложен покойным монархом.

К этому времени репутация Победоносцева сложилась вполне определенно — как сторонника неограниченного самодержавия, открыто сражавшегося с тем, что он считал губительным для России, — демократией, парламентаризмом, социализмом, нигилизмом, атеизмом. Однако после

²² «(В 1863 г. — Л. С.) он произвел на меня очень симпатичное впечатление своим оригинальным костическим (едким, язвительным. — Л. С.) умом, постоянно сливавшимся с добродушием и веселостью, своею простотою и увлекательною речью и начитанностью. То были дни прекрасной весны его политической жизни. Призванный учить Цесаревича Николая Александровича, он всею душою отдавался этому делу, ибо находил в своем Ученике такую благодарную и богатую почву для прививания к Его молодой душе мыслей и знания. Этим наслаждением от отзывчивости и даровитости Цесаревича наполнилась жизнь К. П. Победоносцева в то время, и оно давало ему столько светло-го, столько доброжелательного, столько свежего и бодрого в мыслях и в проявлении чувств» (*Мещерский В. П.* Воспоминания. М., 2001. С. 131).

²³ См.: *Фирсов С. Л.* Человек во времени: штрихи к портрету Константина Петровича Победоносцева // К. П. Победоносцев: Pro et contra. С. 10.

²⁴ Как известно, А. Г. Достоевская считала, что если бы даже писатель оправился и не умер в январе 1881 г., то его выздоровление было бы непродолжительно: «известие о злодействе 1 марта, несомненно, сильно потрясло бы Федора Михайловича, боготворившего царя — освободителя крестьян; едва зажившая артерия вновь порвалась бы, и он бы скончался» (*Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 1971. С. 375).

событий 1881 г. лозунг «все средства хороши» стал принципом политического поведения высшего государственного чиновника. Оставалось только гадать, был бы солидарен автор «Братьев Карамазовых», будь он жив, с действиями Победоносцева, разделял бы убеждения «старого колдуна и кощея православия» (как назовут обер-прокурора его современники уже после Достоевского).

Разумеется, судить о возможной реакции Достоевского на события 1881 г. можно лишь условно, исходя из общего представления об образе мыслей писателя, о его общественной и художественной позиции. Трудно, однако, представить себе Достоевского абсолютным единомышленником Победоносцева.²⁵

Через две недели после гибели Александра II Победоносцев получил письмо от Л. Н. Толстого с просьбой передать послание новому государю. Оно было написано в связи с предстоящим смертным приговором участникам покушения на Александра II — членам партии «Народная воля» Желябову, Рысакову, Михайлову, Кибальчичу, Перовской; писатель умолял сына убитого царя помиловать убийц его отца. «Более ужасного положения нельзя себе представить, более ужасного потому, что нельзя представить себе более сильного искушения зла, — писал Толстой. — <...> Как воск от лица огня, растает всякая революционная борьба перед царем человеком, исполняющим закон Христа»²⁶. Письмо Толстого Александру III ставило вопрос о том, что, нельзя бороться с революционерами, убивая их. С ними надо бороться духовно, то есть поставить против них такой идеал, который был бы выше их идеала.

Толстой надеялся на помощь Победоносцева. «Милостивый государь Константин Петрович! Я знаю Вас за христианина и <...> мне этого достаточно, чтобы смело обратиться к Вам с важной и трудной просьбой передать государю письмо, написанное по поводу страшных событий последнего времени...»²⁷. Победоносцев отвечал ему в совершенно иной тональности. «Прочитав письмо Ваше, я увидел, что Ваша вера одна, а моя церковная другая, и что наш Христос — не ваш Христос. Своего я знаю мужем силы и истины, исцеляющим расслабленных, а в Вашем показались мне черты расслабленного, который сам требует исцеления. Вот почему я по своей вере не мог исполнить Ваше поручение»²⁸.

30 марта 1881 г., за несколько дней до казни²⁹, Победоносцев писал Александру III: «Сегодня пущена в ход мысль, которая приводит меня в ужас. Люди так развратились в мыслях, что иные считают возможным избавление осужденных преступников от смертной казни. Уже распространяется между русскими людьми страх, что могут представить Вашему

²⁵ Уместно напомнить о реакции Достоевского в связи с процессом над В. И. Засулич («Иди, но не поступай так в другой раз», — 27; 341).

²⁶ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. Т. 63. С. 45, 52.

²⁷ Там же. С. 57.

²⁸ Там же. С. 59.

²⁹ Казнь над цареубийцами состоялась 3 апреля 1881 г.

Величеству извращенные мысли и убедить Вас к помилованию преступников. <...> Может ли это случиться? Нет, нет и тысячи раз нет — этого быть не может, чтобы Вы перед лицом всего народа русского, в такую минуту простили *убийц отца Вашего*, русского Государя, за кровь которого вся земля (кроме немногих, ослабевших умом и сердцем³⁰) требует мщения и громко ропщет, что оно замедляется. <...> В эту минуту все жаждут возмездия. Тот из злодеев, кто избежит смерти, будет тотчас строить новые ковы, Ради Бога, Ваше Величество, — да не проникнет в сердце Вам голос лести и мечтательности»³¹.

Испуг 1 марта 1881 г., внушенный Победоносцевым императору Александру III, сформировал на четверть века внутреннюю политику государства.

Вот ключевой эпизод 1883 г., когда в обществе обсуждался вопрос о конституции. «Кровь стынет в жилах у русского человека при одной мысли о том, что произошло бы от осуществления проекта графа Лорис-Меликова и друзей его. Последующая фантазия гр. Игнатьева была еще нелепее, хотя под прикрытием благовидной формы земского собора»³², — писал Победоносцев Александру III. Ничего, кроме смуты и гибели государства, когда бы собрались в Москве представители народов и инородцев империи, Победоносцев и не ждал от подобных проектов. «Болит моя душа, когда вижу и слышу, что люди, власть имущие, но, видно, не имеющие русского разума и русского сердца, шепчутся еще о конституции. Пусть они иногда подозрительно на меня озираются, как на заведомого противника этой роковой фантазии. Я жив еще и не затворяю уст своих; но когда придется мне умирать, я умру с утешением, если умру с уверенностью, что Ваше Величество стоите твердо на страже истины и не опустите того знамени единой власти, в котором единственное спасение России»³³.

Следует, однако, привести мнение Достоевского хотя бы по одному пункту — о доверии народу, высказанное им за месяц до смерти, в последнем (посмертном) выпуске «Дневника писателя»: «Как же помирить верхний пояс с море-океаном и как успокоить море-океан, чтобы не случилось в нем большого волнения? На это есть одно магическое слово, именно: „Оказать доверие“. Да, нашему народу можно оказать доверие, ибо он достоин его. Позовите серые зипуны и спросите их самих об их нуждах, о том, чего им надо, и они скажут вам правду, и мы все, в первый раз, может быть, услышим настоящую правду» (27; 20–21). Достоевский не боялся, что темный народ, не образованный даже религиозно, обманет доверие, если оно будет ему оказано.

³⁰ Намек на Л.Н. Толстого и его письмо к Александру III.

³¹ Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. С. 11.

³² Там же. С. 366–367.

³³ Там же. С. 367.

Победоносцев, напротив, только в неподвижной патриархальности видел залог стабильности общества. Любые кардинальные реформы ведут, как считал Победоносцев, к разрушению традиционного уклада жизни, основ государственности и «народной веры», а ведь именно она (а не что-то другое) делает жизнь миллионов русского народа осмысленной. «Есть такие глубины, до которых государственная власть не может и не должна касаться, чтобы не возмутить коренных источников верования в душе у всех и каждого», — писал обер-прокурор в конце XIX в.³⁴

Резко раскритиковав все «говорильни», земские, городские, судебные учреждения, печать, назвав конституцию «великой ложью нашего времени», первый чиновник государства убедил Александра III оставить образ государственного правления без каких бы то ни было изменений.³⁵ По мрачной иронии судьбы Победоносцев доживет до Манифеста 1905 г., когда новый монарх, Николай II, вынужден будет пожертвовать старыми учреждениями и поделить властью для прекращения опасной смуты. «Победоносцев <...> сходил медленно в могилу с арены жизни при торжестве именно тех начал, которым он когда-то нанес такой сильный удар и против которых он так упорно боролся»³⁶. События отторгли от власти апостола старой России, и началась агония империи.

Имеет смысл напомнить еще один эпизод 1883 г., связанный с организацией и устройством церковно-приходских школ, любимого детища Победоносцева. Он пишет Александру III: «Народ у нас пропадает, раскол и секты держатся от невежества: люди вырастают, не получая первых, самых основных, понятий о Боге, о церкви, о заповедях. Этому невежеству не поможет ученье, криво устроенное, не приспособленное к жизни, — оно может еще более развратить простого человека, отрывая его от жизни и действительности»³⁷. Победоносцев уверен: для народного блага необходимо, чтобы именно церковно-приходские школы были первоначальными школами грамотности и действовали «в неразрывной связи с учением Закона Божия и церковного пения, облагораживающего всякую простую душу»³⁸. «Ныне все разумные люди сознают, что именно такая школа, а не иная должна быть в России главным и всеобщим средством для начального народного обучения»³⁹.

³⁴ См.: Московский Сборник. М., 1896. С. 1–2.

³⁵ «Я жалею бедного государя, — говорил граф С. Г. Строганов, — поставленного между Победоносцевым, который всегда отлично знает, что не надо, но никогда не знает того, что надо, и между Игнатьевым, который всего хочет, но ничего не может. А человека с головой, способного создать план и его осуществить, как будто не находится». Победоносцев «как всегда метко и умно обличал дефекты положения, но дать ясные и определенные образы той твердой власти, о которой он говорил как автор манифеста 27 апреля, он не умел и не мог» (Мещерский В. П. Воспоминания. С. 500, 509).

³⁶ Глинский Б. Б. Константин Петрович Победоносцев (Материалы для биографии). С. 250.

³⁷ Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. С. 369–370.

³⁸ Там же. С. 370.

³⁹ Там же.

Повсеместным распространением церковного пения Победоносцев рассчитывал привлечь народ, отвыкший от церкви и привыкший к кабаку, главному проводнику нигилистических теорий в народ. При этом акцент делался только на *воспитании* простолюдина в духе традиции, *образовательный* же аспект, по сути, дела игнорировался. Нечего и говорить, что Достоевский на протяжении всей своей жизни имел совсем другие взгляды на народное образование. «Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верой, что все наши девяносто миллионов русских (или там сколько их тогда народится) будут все, когда-нибудь, образованы, очеловечены и счастливы. Я знаю и верую твердо, что всеобщее просвещение никому у нас повредить не может. Верую даже, что царство мысли и света способно водвориться у нас, в нашей России, еще скорее, может быть, чем где бы то ни было...» (22; 31).

Еще более одиозными выглядели в глазах русского общества суждения Победоносцева по вопросам литературы и искусства. Все свои негативные эмоции он непременно доводил до сведения царя, ожидая незамедлительных санкций. Так случилось и с драмой Л. Н. Толстого «Власть тьмы, или Коготок увяз, всей птичке пропасть», написанной осенью 1886 г. В основу пьесы было положено рассматривавшееся в Тульском окружном суде подлинное уголовное дело крестьянина Тульской губернии Ефрема Колоскова, которого Толстой посетил в тюрьме.

Еще до публикации пьесы многие знакомые Толстого слышали ее в авторском чтении и были весьма впечатлены ею. Как только в Петербурге стало известно о новой пьесе Толстого, М. Г. Савина, прима Александринского театра, просила разрешения писателя поставить «Власть тьмы» в свой бенефис. Получив согласие Толстого, актриса с благодарностью просила как можно скорее прислать рукопись и обещала взять на себя все цензурные хлопоты. 29 декабря 1886 г. «Петербургская газета» сообщала: «Большие толки возбуждает эта новая пьеса графа Л. Н. Толстого. Многие уверяют, что реализм нового произведения никак не может примириться с требованиями цензуры». И театральная цензура действительно не пропустила пьесу для постановки на театре.

Друзья Толстого В. Г. Чертков и А. А. Стахович, добиваясь отмены цензурного запрета пьесы, организовали ее чтение в частных домах и придворных кругах. «Власть тьмы» была прочитана у министра императорского двора в присутствии Александра III, понравилась царю, и он сам пожелал присутствовать на генеральной репетиции. В феврале-марте 1887 г. в Александринке шла подготовка к премьере, которую с огромным интересом ждал культурный Петербург. Вот как писал о новом сочинении Толстого И. Е. Репин: «Это такая потрясающая правда, такая беспощадная сила воспроизведения жизни»⁴⁰. Восторженные отклики при-

⁴⁰ См.: Лев Толстой и И. Репин. М., 1949. Т. 1. С. 49.

слали автору В. В. Стасов, В. Г. Короленко, В. М. Гаршин, В. И. Немирович-Данченко и др.

Когда работа над спектаклем была доведена до генеральной репетиции, пьеса попала наконец к Победоносцеву. Обер-прокурор отнесся к «потрясающей правде» совершенно иначе. «Я только что прочел новую драму Л. Толстого, — писал он 18 февраля 1887 г. Александру III, — и не могу прийти в себя от ужаса. А меня уверяют, будто бы готовятся давать ее на Императорских театрах и уже разучивают роли.

Не знаю, известна ли эта книжка Вашему Величеству. Я не знаю ничего подобного ни в какой литературе. Едва ли сам Золя дошел до такой степени грубого реализма, на какую здесь становится Толстой.

Искусство писателя замечательное, — но какое унижение искусства! Какое отсутствие, — больше того, — *отрицание* идеала, какое унижение нравственного чувства, какое оскорбление вкуса! Больно думать, что женщины с восторгом слушают чтение этой вещи и потом говорят об ней с восторгом. Скажу даже: прямое чувство русского человека должно глубоко оскорбиться при чтении этой вещи. Неужели наш народ таков, каким изображает его Толстой? <...> День, в который драма Толстого будет представлена на Императорских театрах, будет днем *решительного падения* нашей сцены, которая и без того уже упала очень низко <...> Нравственный уровень нашей публики очень низок, равно как и вкус ее <...> Ныне в каждом сколько-нибудь значительном городе есть театры, на которые переходит, развращая нравы праздной публики, всякая *нечисть* петербургских и московских сцен. Завелись уже по местам театры и в селах...»⁴¹.

Для большей убедительности Победоносцев сравнивал пьесу Толстого, отрицавшей, по мнению обер-прокурора, нравственный идеал, с романом Достоевского «Преступление и наказание», где «при всем реализме художества, через все действие проходит анализ борьбы, — и какой еще! — и идеал ни на минуту не пропадает из действия»⁴².

Санкции не замедлили последовать: пьеса была признана слишком реальной и ужасной по сюжету. Александр III потребовал от министра внутренних дел положить конец безобразиям нигилиста и безбожника Л. Толстого, запретить продажу его драмы и установить цензурный запрет на ее сценические представления. Подготовленный спектакль был сразу же запрещен, и цензурный запрет продержался до 1895 г.

Постепенно Победоносцев входил во вкус подобных запретов. В 1889 г. на сцене Мариинского театра была возобновлена постановка оперы А. Г. Рубинштейна «Купец Калашников», написанной еще в 1879 г. по мотивам лермонтовской «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»⁴³. Премьера оперы, на кото-

⁴¹ Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. С. 478–482.

⁴² Там же. С. 481.

⁴³ См.: Купец Калашников. Опера в трех действиях Н. Куликова из песни Лермонтова (с сохранением его стихов). Музыка А. Г. Рубинштейна. М., 1883.

рой дирижировал сам автор, прошла с успехом в 1880-м г. — 22 и 25 февраля, но вскоре спектакль был запрещен министерством двора и снят с репертуара. Казнь главного героя, купца Калашникова, напоминала о казни народовольца И. О. Млодецкого, стрелявшего 20 февраля 1880 г. в министра внутренних дел М. Лорис-Меликова и повешенного по приговору военного суда на Семеновском плацу в день, который совпал с днем премьеры спектакля (22 февраля). В 1883 г. решался вопрос о постановке «Купца Калашникова» снова. Дело дошло до генеральной репетиции, но присутствовавший на ней К. П. Победоносцев, недовольный тем, что на декорациях были нарисованы иконы, воспрепятствовал показу спектакля.

В начале января 1889 г. на сцене Мариинского театра вновь давали «Купца Калашникова», и уже 11 января обер-прокурор докладывал Александру III о своих впечатлениях: «После репетиции я вышел из театра как ошеломленный и не мог отделаться целый день от тяжелого чувства — будто после какого-то страшного кошмара. Но я хотел еще проверить свои впечатления публичным представлением и был на нем. Я вынес из него еще более тягостное чувство <...> Ничего светлого, ничего возвышающего душу, ничего идеального, — это одна сплошная, живая, действующая перед зрителем картина чудовищного порока, разврата, насилия. Царь — чудовище; все около него — развратные, пьяные разбойники; народ — несчастные холопы; и церковь и вера — одно кощунство над верою! Как будто нарочно искусство хотело втоптать в грязь все идеалы русской земли — царя, церковь, народ. И все завершается невыразимо печальной, безотраднoю похоронною песнью над человеком, казнимым в честь пороку и насилию»⁴⁴.

Победоносцев упрекает авторов спектакля за то, что они, перенеся на сцену поэтичную песню Лермонтова, оставили лишь действие — «отвратительное», «недостойное искусства». «Сценическая постановка старалась придать ему реальность, и реальность выходит фальшивая, неестественная, как бы тенденциозная <...> Царь — чудовище, зверь и ничего более»⁴⁵. Победоносцев считает такой взгляд на Ивана Грозного исторической неправдой. «История представляет нам страшную драму в жизни Грозного, с великой борьбою, которую один суд Божий решит по правде. В этой душе мы видим черты добродетели и с ужасом узнаем, как они исчезают в чертах зверя; но мы знаем, какая была борьба, как этот человек злодействовал и каялся, и страдал, и боролся с собою, и усиленно искал в своей совести оправдания своих злодеяний. Видим, как с ним ступали в борьбу, ради правды, ради царской чести его, прямые русские люди и становились мучениками правды»⁴⁶. Сказка и фантазия поэта, имевшие право на существование, оборачивались, по мнению обер-прокурора, кощунством, едва лишь превращались в прямое сценическое действие.

⁴⁴ Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. С. 564–565.

⁴⁵ Там же. С. 565.

⁴⁶ Там же.

Необходимо заметить, что содержание и идеология «Песни о купце Калашникове» виделись Достоевскому иначе. В «Дневнике писателя» 1876 г. он укорял даже Белинского, который в словах Ивана Грозного из «Песни...» («Я топор велю наточить–наострить, / Палача велю одеть–нарядить, / В большой колокол прикажу звонить...») видел одну лишь жестокую иронию тирана, «лютую насмешку тигра над своей жертвой» (24; 298)⁴⁷. «Ты казнь заслужил — иди, но ты мне нравишься тоже, и вот я и тебе честь сделаю, какую только могу теперь, но уж не ропщи — казню. Этот лев говорил сам со львом и знал это» — так интерпретировал Достоевский спорную сцену. «Вы не верите? — продолжал он. — Хотите, удивлю вас еще дальше? Итак, знайте, что и Калашников остался доволен милостью, а уж приговор о казни само собой считал справедливым. Этого нет у Лермонтова, но это так» (Там же).

О стремлении Лермонтова к русской народной правде Достоевский говорил неоднократно. «Чуть лишь он коснется народа, тут он светел и ясен. Он любит русского солдата, казака, он чтит народ. И вот он раз пишет бессмертную песню о том, как молодой купец Калашников, убив за бесчестье свое государева опричника Кирибеевича и призванный царем Иваном пред грозные его очи, отвечает ему, что убил он государева слугу Кирибеевича „вольной волею, а не нехотя“ <...> Его Калашников говорит царю без укора, без попрека за Кирибеевича, говорит он, зная про верную казнь, его ожидающую <...> остался бы Лермонтов жить, и мы имели бы великого поэта, тоже признавшего правду народную, а может быть, и истинного „печальника горя народного“» (26; 117–118).

На протяжении четверти века Победоносцев бдительно преследовал все, что могло, как ему казалось, навредить трону. Одной из таких вредных идей показалась в начале 1890-х гг. идея женского образования, проникшая из Западной Европы в Российскую Империю еще в 1860-е гг. «Явились фанатики уравниения женщин с мужчиной во всех правах общественных, учреждения женских курсов и допущения женщин в университет <...> Известно, какое вредное нравственное действие имели эти курсы <...> В массе слушательниц происходило самое безобразное развращение понятий, и трудно исчислить, сколько их (слушательниц) развратилось и погибло. Курсы эти были закрыты по Высочайшему повелению в 1882 г., к величайшему негодованию всех поборников женской эмансипации»⁴⁸. И теперь Победоносцев боялся, что вредные идеи могут явиться вновь — потому настоятельно просил государя всемерно препятствовать развитию образования для женщин, поставить заслон распространению женских медицинских учебных заведений, предвидя в них будущие центры «вредной

⁴⁷ Ср.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953–1959. Т. IV. С. 514.

⁴⁸ Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. С. 582.

агитации и источники беспорядка»⁴⁹ и соглашаясь только разрешить акушерские курсы.

Вряд ли Достоевский был бы и здесь сторонником Победоносцева. Известно множество высказываний писателя как раз *в защиту* женского образования; известна его убежденность в том, что русская женщина непременно «сделает несколько великих и прекрасных шагов» (282; 252). Прочитую письмо Достоевского С. А. Ивановой, где писатель советует племяннице «заниматься своим образованием, не пренебрегая даже и специальностью». «На днях прочел в газетах, что прежний друг мой, Надежда Сулова (сестра Аполлинии Суловой) выдержала в Цюрихском университете экзамен на доктора медицины и блистательно защитила свою диссертацию. Это еще очень молодая девушка; ей, впрочем, теперь 23 года, редкая личность, благородная, честная, высокая» (Там же). Как сильно радость Достоевского середины 1860-х гг. расходится с опасениями Победоносцева начала 1890-х!

Но Победоносцев продолжал слать государю сигналы о неблагополучии в стране, и, пожалуй, самое большое беспокойство доставлял им обоим писатель Л. Н. Толстой. В 1891 г. на имя императора было отправлено специальное письмо обер-прокурора в связи с разрешением государя печатать в составе собрания сочинений Л. Н. Толстого «Крейцерову сонату». Особенно беспокоила Победоносцева аудиенция у государя жены писателя. «Если б я знал заранее, что жена Льва Толстого просит аудиенции у Вашего Величества, я стал бы умолять Вас не принимать ее. Произошло то, чего можно было опасаться. Графиня Толстая вернулась от Вас с мыслью, что муж ее в Вас имеет защиту и оправдание во всем, за что негодует на него здравомыслящие и благочестивые люди в России <...> Толстой — фанатик своего безумия и, к несчастью, увлекает и приводит в безумие тысячи легкомысленных людей. Сколько вреда и пагубы от него произошло, — трудно и исчислить...»⁵⁰.

Победоносцев обвинял Толстого, что под его влиянием дворяне раздают землю крестьянам и проповедуют толстовское евангелие, «с отрицанием церкви и брака, на началах социализма»⁵¹. Зло это растет и множится, захватывая все новые губернии, поселяя в людях дух беспокойства. «Народ *совсем отстал* от церкви: в двух приходах (Харьковской губернии. — Л. С.) церкви стоят пустые и причты голодают и подвергаются насмешкам и оскорблениям»⁵². Повсеместное умственное возбуждение, вспыхнувшее под влиянием сочинений Толстого, Победоносцев называл «эпидемическим сумасшествием». «К Толстому примкнул совершенно обезумевший Соловьев, выставляя себя каким-то пророком, и, несмотря на явную нелепость и несостоятельность всего, что он проповедует, его

⁴⁹ Там же. С. 587.

⁵⁰ Там же. С. 593–594.

⁵¹ Там же. С. 595.

⁵² Там же.

слушают, его читают, ему рукоплещут, как было недавно в Москве <...> В Москве же развелись ныне либеральные богачи-купцы и купчихи, поддерживающие капиталом и учреждения духа эмансипации (вроде женских курсов), и журналы вредного направления. Так, на счет одной купчихи издается журнал «Русская Мысль», к сожалению, самый распространенный из всех русских журналов; он в руках у всей молодежи, и множество голов сбито им с толку. Так, купец Абрикосов (конфетное заведение) поддерживает журнал: „Вопросы философии и психологии“, служащий ареною для Соловьева и отчасти для Толстого. В этих-то кругах ходит легенда о том, что вся эта вредная литература может рассчитывать на защиту у Вашего Величества противу всякого стеснения речей и писаний, и эта легенда усилилась особенно после того, как принята была Вашим Величеством графиня Толстая»⁵³.

Таких докладов, донесений, реляций в посланиях царю с просьбами принять срочные меры — многие десятки. Они и составляли тайное политическое оружие Победоносцева.

Итак, за четверть века службы в качестве высшего чиновника государства у Победоносцева сложилось твердое представление о глубоком нездоровье вверенного ему российского общества. Оно, по мнению обер-прокурора, не способно воспользоваться *благами образования и обучения*, а подлежит только *воспитанию* в духе традиционного православия — ведь со всех сторон испорченные и безумные люди стараются поселить в народе разврат мысли и развить в невежественной массе неудовольствие против властей. Потому и перед духовенством Победоносцев ставит странную задачу: не просвещать народ, а лишь не портить его. Обер-прокурор сомневается, что обращение к вере образованной части русского общества возможно; фактически — это сомнение в духовном потенциале Русской Православной Церкви. Победоносцев считает, что Церковь должна стоять на стороне народной девственности, не допуская в народную среду никакого вольномыслия. Он боится изменений в Церкви — при «темном мужике» они могут привести к расколу. Он искренне не доверяет православным архиереям, считая, что они стремятся к власти помимо обер-прокурора. «Но ведь дружбы нет между нашими архиереями, и когда обер-прокурора не будет, они станут изводить друг друга наветами, интригами и враждою», — писал он уже Николаю II.⁵⁴

«Нигилистом на религиозной почве», искренним идеологом исторического нигилизма назвал Победоносцева Н. А. Бердяев. «Нигилистическое отношение к человечеству и миру на почве религиозного отношения к Богу — вот пафос Победоносцева», — считал Бердяев. «Этот призрачный, мертвенный старик жил под гипнозом силы зла, верил безгранично во

⁵³ Там же. С. 596–597.

⁵⁴ Цит. по: Фирсов С. Л. Человек во времени // К. П. Победоносцев: Pro et contra. С. 21.

вселенское могущество зла, верил в зло, а в Добро не верил. Добро считал бессильным, жалким в своей немогущности. Он — из числа загипнотизированных грехопадением, закрывшим бытие, отрезавшим от тайны Божьего творения. Дьявол правит миром, определяет ход вселенской жизни, проникает в человеческую природу до самых ее корней; добро, божественное не имеет объективной силы, на нем нельзя строить жизни, с силой добра нельзя связывать никаких исторических перспектив <...> Роковой процесс падения и заложения человечества, растущие силы зла могут быть остановлены лишь насильем, лишь злом же, лишь деспотической государственной властью, которую Церковь посылает в мир размораживать рост жизни, обуздать освобождение жизни. Победоносцев затаил в себе обиду на мировую жизнь и на человечество, он мнителен и подозрителен до психоза»⁵⁵. Таким виделся Бердяеву в 1907 г. феномен Победоносцева. Он «трагический тип, это один из тех, в которых христианство убило Христа, для которых Церковь закрыла Бога. Христос сделал Бога бесконечно близким человеку, усыновил человека Отцу Небесному; дух Победоносцева делает Бога бесконечно далеким человеку, превращает сына в раба»⁵⁶.

И вот мнение о Победоносцеве князя Мещерского, многолетнего друга и соратника обер-прокурора: их дружба продолжалась до конца 1880-х гг., пока не обернулась у Победоносцева лютой ненавистью к князю, который посоветовал царю на должность государственного контролера Т. И. Филиппова, прекрасного знатока церковных вопросов и соперника Победоносцева. «Ни разу в течение тринадцати лет царствования Александра III не только Победоносцев не подал ему совета коснуться государственного строя <...> в смысле ослабления бюрократического гнета и приближения народа к Престолу, но всегда являлся неумолимым критиком всякой мысли, к этой цели направленной, от кого бы она ни исходила»⁵⁷. Мещерский писал о нетерпимости Победоносцева как о его главном качестве, за которое его осуждал даже покойный цесаревич Николай Александрович.⁵⁸

Мог ли предположить Достоевский, что его духовный покровитель и наставник, столь впечатленный фигурой великого инквизитора, осуществит свою деятельность в России таким образом, что сам будет назван этим грозным именем и при жизни приобретет репутацию «русского инквизитора»? Ибо именно так именовали Победоносцева и свои, и чужие: известно, что Мельхиор де Вогио называл его «русским де Местром» и «Торквема-

⁵⁵ Бердяев Н. А. Нигилизм на религиозной почве // Там же. С. 287–288.

⁵⁶ Там же. С. 290.

⁵⁷ Мещерский В. П. Воспоминания. С. 633.

⁵⁸ Там же.

дой»⁵⁹. Мог ли вообразить Достоевский, что русское образованное общество воспользуется художественным образом из его романа, чтобы найти самую выразительную характеристику для могущественного обер-прокурора? «Эта все та же теория и практика великого инквизитора, не верившего в человечество, спасавшего его с презрением и насильственно. Атеистический дух инквизитора движет Победоносцевым, он, подобно этому страшному старику, отвергает свободу совести, боится соблазна для малых сих, отстаивает религиозный утилитаризм», — писал Бердяев в год смерти Победоносцева⁶⁰. «Человек так безнадежно плох, что единственное спасение — держать его в ежовых рукавицах. Человеку нельзя давать свободы. Только насилем и принуждением монархической государственности можно держать мир», — писал о взглядах Победоносцева Бердяев тридцать лет спустя⁶¹.

О скептицизме Победоносцева, его пессимизме, неуважении к человеку писал В. В. Розанов, называя «Московский сборник» *грешной* книгой, полной уныния, безверия и печали.⁶² Хорошо известен поразительный афоризм Победоносцева о России: «Да знаете ли вы, что такое Россия? Ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек»⁶³. Но он сам старательно создавал вокруг себя атмосферу ледяного покоя. Для Т. И. Филиппова Победоносцев «Новый Копроним», предтеча Антихриста⁶⁴; для других современников из своего же лагеря, он — русский Мефистофель, злой рок России, апокалиптический зверь, библейский змий, «Божья кара». Его называли проповедником лицемерия, которое еще страшнее, чем откровенный нигилизм. «Он, как мороз, препятствует дальнейшему гниению, но расти при нем ничто не будет» (К. Н. Леонтьев в письме к Т. И. Филиппову).⁶⁵

Г. Флоровский в работе «Пути русского богословия» писал, что Победоносцев боится истинного просвещения: обер-прокурор настаивал,

⁵⁹ Цит. по: Гроссман Л. Достоевский и правительственные круги 1870-х годов // Лит. наследство. Т. 15. С. 90.

⁶⁰ Бердяев Н. А. Нигилизм на религиозной почве // К. П. Победоносцев: Pro et contra. С. 291.

⁶¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма // Там же. С. 294. Вслед за Бердяевым повторяет эту мысль и современный исследователь: «Роль Победоносцева в жизни Достоевского последних лет, и в частности его роль в создании „Братьев Карамазовых“, до сих пор рассматривалась односторонне. Между тем есть достаточные основания посмотреть на эту роль иначе. Не просматривается ли в образе Великого инквизитора черты реальной исторической фигуры, не менее мрачной, зловещей и сыгравшей впоследствии роль инквизитора, „простершего“ над Россией свои „совиные крыла“?!» (Буланов А. М. Статья Ивана Карамазова о церковно-общественном суде в идейно-художественной структуре последнего романа Ф. М. Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1991. Т. 9. С. 143).

⁶² См.: Розанов В. В. Около церковных стен // К. П. Победоносцев: Pro et contra. С. 299.

⁶³ Гиппиус, Зинаида. Дмитрий Мережковский // Гиппиус, Зинаида. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. С. 231–232. «Кажется, Д. С. [Мережковский] возразил ему тогда, что не он ли, ни они ли сами устраивают эту ледяную пустыню из России» (Там же. С. 232).

⁶⁴ См. об этом: Фетисенко, Ольга. «Златая цепь единомыслия». Церковь и церковный мир в неизданной переписке Константина Леонтьева и Третья Филиппова. С. 104.

⁶⁵ Там же. С. 111.

чтобы зачатки прикладного полупросвещения, то есть сельская, народная школа была не только начальной, но и окончательной школой — ибо не следует внушать ученикам беспокойное и тщеславное желание идти дальше, искать высшее или другое и тем колебать социальные устои. Победоносцев не хотел, чтобы о вере размышляли, спорили, говорили, и при нем была отменена публичность академических диспутов: докторские степени по богословию присуждались на основании рецензий, а не на открытых дискуссиях. Ведь открытым возражением только привлечешь излишнее внимание к противнику, считал он. Победоносцев сомневался, готова ли Церковь к самозащите. При нем стали невозможны многие философские издания, собрания, чтения, пресекалась всякая богословская неблагонамеренность.

В 1889 г. были изданы особые «Правила для рассмотрения сочинений, представленных на соискание ученых богословских степеней». Требовалось, «чтобы сочинения заключали в себе *такую полноту и определенность* изложения по данному предмету и вопросу, *при которой не оставалось бы сомнения* в истинности православного учения, а также *такую точность* выражений, которые *устраняли бы всякий повод* к ложным вопросам». «Богословия Победоносцев решительно не любил и боялся, и об „искании истины“ отзывался всегда с недоброй и презрительной усмешкой. Духовной жизни не понимал, но пугался ее просторов»⁶⁶, — писал Флоровский. Победоносцев боялся дерзновения и свободы, пророческого духа современных ему мыслителей. Его смущали не только Соловьев и Лев Толстой, еще больше его тревожили такие подвижники, как Феофан Затворник и Иоанн Кронштадтский. Он боялся, что творческое обсуждение вопросов веры и Церкви приведет к протестантизму. «Не надо» — было жизненным девизом Победоносцева.

Так складывался упрощенный тип православной церковности и церковной учености, уцененный и обессиленный, когда свой образ мыслей и свою веру люди будто сдавали на хранение в Синод, на попечение обер-прокурора. Победоносцеву удалось внушить русскому духовенству, что богословие не принадлежит к существу православия, к существу простой русской народной веры, ибо массы простого народа спасаются без всякого богословия, без всяких размышлений и без всякой культуры, причем спасаются надежнее, чем умствующие и не в меру пытливые интеллигенты.⁶⁷

Как сложилась бы при таком обер-прокуроре судьба романа Достоевского, где одним из главных героев выступал великий инквизитор, где в центре обсуждения — отношения церкви и государства, где вопросы столь же неудобны, как и ответы, где, кроме разрешенной осанки, так сильно присутствует и запрещенное обер-прокурором «горнило сомнений», где все точки зрения имеют суверенное право голоса, — об этом остается только гадать... Хотя ответ почти очевиден: Победоносцев, ка-

⁶⁶ Флоровский Г., *протоирей*. Пути русского богословия // К.П. Победоносцев: Pro et contra. С. 495.

⁶⁷ См.: Там же. С. 499.

ким он был до 1881 г., только советовал Достоевскому предать огню бунтарские страницы романа⁶⁸, позже он вряд ли разрешил бы печатать эти страницы, а то и весь роман.

«На его глазах и при его содействии, — писал первый биограф Победоносцева, — создалась Россия Александра III и на его же глазах она постепенно стала отходить в даль преданий и невозвратности прошлого. Рушилось все им созданное в этой области, и он, последний видный представитель „сильной государственной власти“, оказался бессильным чем-либо остановить ход этого разрушения. В этом бессилии, несомненно, наблюдается элемент исторического трагизма, элемент, который в обработке талантливого драматурга мог бы послужить материалом для шекспировской темы»⁶⁹.

Образ живого мертвеца, в жилах которого течет не кровь, а иная, мертвящая жидкость, не верящего, что у других людей течет именно кровь... Краски для этого образа предоставляла сама жизнь, но язык, который мог бы выразить ощущение от личности Победоносцева, давал своим современникам последний роман Достоевского. Враг всякой окрыленности, всякого полета, всякой жизненной полноты... Человек, пребывающий на вершине власти, при полном отсутствии творческих задач... Властитель, который понимает, что в стране все гниет и разлагается, и пытается насильственными методами остановить процесс гниения.⁷⁰

Удивительное сопоставление Победоносцева и Ленина делает Н. А. Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма»⁷¹: находя разительные совпадения в их столь разном нигилизме — религиозном у Победоносцева и революционном у Ленина, — знаменитый философ вновь прибегнет к образам и аллюзиям из Достоевского — вдохновенного союзника для понимания обоих грозных духовных вождей России.

⁶⁸ См. письмо Победоносцева от 16 августа 1879 г. «Когда художнику не удалась его статуя или он недоволен, весь металл идет опять в горнило. Впрочем, и то сказать, что всякий художник творит по-своему, и вы, если бы выжидали, может быть, никогда и не решились бы выпустить свое произведение» (Лит. наследство. Т. 15. С. 139).

⁶⁹ Глинский Б. Б. Константин Петрович Победоносцев (Материалы для биографии). С. 250.

⁷⁰ См., например, письмо Победоносцева Николаю II о своей судьбе: «...я убедил его (Александра III. — Л. С.) сделать решительный шаг — издать манифест 29 апреля 1881 года... И вот с этого рокового для меня дня начинается и продолжается, разгораясь, злобное на меня чувство, питаюсь и России, и всюду за границей всеобщим шатанием умов, сплетнею, господствующею ныне во всех кругах общества, невежеством русской интеллигенции и ненавистью иностранной интеллигенции ко всякой русской силе <...> Я продолжал считаться всесильным человеком, от которого все исходит в России, и на мой счет ставились все и всякие распоряжения правительства, о коих я даже не имел понятия <...> Стал человеком, стоящим на дороге против всякого прогресса и главным виновником всякого стеснения, всякого преследования, гасителем всякого света <...> убережь народ от невежества, от дикости нравов, от разврата, от губительной заразы возмутительных учений — можно убережь только посредством церкви и школы, связанной с церковью. Вот — судьба моей жизни» (Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. С. 627–632).

⁷¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма // К. П. Победоносцев: Pro et contra. С. 294–296.